
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа,
общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба

St. Petersburg
2016

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель); доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская республика)

Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History); K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. A. Birtalan (Hungary); PhD. R. Pop (Rumania); PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)

Peer-reviewed by: PhD. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Secretary and Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XVII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. — 104 с.

Семнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа, общественного деятеля, переводчика и публициста Мэргэн-гуна Гомбоджаба (1906—1940).

Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The seventeenth edition of the magazine «Mongolica» is dedicated to 110th anniversary of Mongolian scholar, public figure, translator and essayist Mergen-gun Gombodzhab (1906—1940).

This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 07.11.2016. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2016
© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Хишигт. Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940) (Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек)	6
И. В. Кульганек. Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба.	11
Д. А. Носов. Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде	24
Т. Тамир, Т. Аира. Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба	27
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. Ш. Кадырбаев. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин	30
Т. Д. Скрынникова. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в.	35
И. М. Захарова, М. В. Мандрик. Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.	42
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Г. Батсуурь. Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка»	48
А. В. Зорин, Ю. С. Макарова. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения	52
Б. В. Меняев. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса	61
Т. Содгэрэл. Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации	65
Д. Сувданцэцэг. Запятая в монгольском предложении: случаи постановки	69
А. А. Туранская. Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии	78
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харькова. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»	83
ПЕРЕВОДЫ	
Ж. Дашдондог. Я никогда не был антисоветчиком (Перевод Л. Г. Скородумовой)	88
Ц. Доржготов. Подарок снега (Перевод А. Токмакова под редакцией Л. Г. Скородумовой)	91
С. Буяннэмэх. Врата литературы (<i>Окончание</i>) (Перевод А. Сапожниковой под редакцией Л. Г. Скородумовой)	93
Информация об авторах.	103

Contents

N. Hishigt. Mergen-gun Gombodzhab — prince, scientist, translator (1906—1940) (translated by L. G. Skorodumova and I. V. Kulganek)	6
I. V. Kulganek. Leningrad in the life of Mergen-gun Gombodzhab	11
D. A. Nosov. Mergen-gun Gombodzhab and the Institute of Living Oriental Languages in Leningrad.	24
T. Tamir, T. Aira. Books from the personal collection of Mergen-gun Gombodzhab	27
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
A. Sh. Kadyrbaev. Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period	30
T. D. Skrynnikova. Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century	35
I. M. Zakharova, M. V. Mandrik. The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913	42
PHILOLOGY: LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
G. Batsuur. Images Novelty in Ts. Damdinsurung's Story «The Rejected Girl»	48
A. V. Zorin, Yu. S. Makarova. Two Kalmykian Manuscript Copies of the Tibetan Collected Book «Mdo mangs» Kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore	52
B. V. Menyaev. Oirat woodcuts from the private collection of Hotol-Tuges dedicated to cults of Buddha Amitayus	61
T. Sodgerel. Tunes on tsuur in Western Mongolia: the classification.	65
D. Suvdantsetseg. A comma in Mongolian sentence: cases of setting	69
A. A. Turanskaya. Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography	78
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS REVIEWS	
Ju. V. Boltach, I. V. Kulganek, E. Ju. Khar'kova. VIIth Conference, dedicated to Agvan Dordzhiev.	83
OUR TRANSLATIONS	
Zh. Dashdondog. I have never been anti-Soviet (translated by L. G. Skorodumova)	88
Ts. Dordzhogotov. Gift from snow (translated by A. Tokmakov, edited by L. G. Skorodumova)	91
S. Buyannemekh. Gates of literature (translated by A. Sapozhnikova, edited by L. G. Skorodumova)	93
Information about the authors	103

И. М. Захарова, М. В. Мандрик

Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.

В статье представлен краткий обзор целей, задач, основных мероприятий и итогов монгольского посольства в Россию в 1912—1913 гг. под руководством чрезвычайного посланника, министра иностранных дел Халхи Хана Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи. На основании архивных и печатных источников дана характеристика пребывания посольства в России, проанализированы задачи экономического и политического характера, которые делегация рассчитывала решить в России, представлен анализ финансовых затрат российского императорского двора и гастрономических пристрастий членов монгольской делегации. Особое внимание уделено приему монгольской делегации императором Николаем II, описанию и значению подарков, преподнесенных Богдо-гэгэном VIII императорской семье. В статье подчеркивается значимость посольства в развитии политических, экономических и культурных взаимоотношений России и Монголии. Дается краткий анализ внешнеполитических целей обеих стран по отношению друг к другу.

Ключевые слова: Монголия, Россия, монгольская делегация, русско-монгольские отношения, Богдо-гэгэн VIII, российский императорский двор, Дом Романовых.

На рубеже XIX и XX вв. правящая верхушка Монголии начинает проявлять интерес к России, что было связано с поиском внешней опоры в борьбе за независимость от Китая. Монголия, более 200 лет входившая в состав Цинской империи, искала способы освобождения от власти последней. До тех пор, пока династия Айсинь Гиоро не вмешивалась во внутренние дела Монголии и предоставляла право жить по собственным обычаям, монголов устраивало текущее положение дел [Кузьмин, 2015. С. 80]. Однако начавшиеся со стороны Китая колонизация монгольских земель и ассимиляционная политика являлись угрозой для монгольской национальной идентичности, подрывали основы существовавшего экономического уклада и вызывали у монголов все большее и большее недовольство. Это заставило их искать союзников в борьбе против Цинской империи. В качестве покровителя политическая и религиозная элита Монголии видела Россию, с которой ее связывали нарождавшиеся экономические связи. Так, уже в начале XX в. хошунные князья и Богдо-гэгэн VIII обращались по дипломатическим каналам к российскому императорскому правительству с финансовыми просьбами, которые зачастую удовлетворялись. Например, в 1900 г. Богдо-Гэгэну VIII Николаем II была одобрена ссуда в размере 30 000 рублей¹, а в 1898—1902 гг. монгольские князья получали займы от Русско-Китайского банка². Выдавая ссуды монгольским князьям, российское правительство тем самым способствовало уменьшению экономической эксплуатации монголов со стороны Китая.

Необходимо отметить, что интерес Монголии к России не являлся односторонним. Прежде всего, для российской правящей и культурной элиты Монголия не представляла собой terra incognita. Проводившиеся во второй половине XIX в. под руководством П. П. Семенова, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, В. А. Обручева, М. В. Певцова, Г. Е. Грум-Гржимайло многочисленные экспедиции Императорского российского географического общества, результатом которых явились топографические, географические, этнографические описания Центральной Азии, познакомили российское общество с Монголией. Участие в экспедициях художников и фотографов позволило при помощи изобразительных средств создать образы Монголии и ее населения. Определенную роль в увлечении Монголией сыграли и поездки в Центральную Азию востоковеда, писателя и коллекционера ламаистских древностей князя Э. Э. Ухтомского, чьи научные труды и лекции были известны и пользовались большой популярностью не только в России, но и в Европе [Леонов, 1985. С. 104—111]. Помимо научного и культурного интересов, существовали экономико-политические факторы, способствовавшие сближению России и Монголии в начале XX в. После краха внешнеполитических планов Российской империи на Дальнем Востоке в результате неудачной русско-японской войны 1904—1905 гг. Россия начинает обращать внимание на Центральную Азию [Майский, 1959. С. 204]. Уже в ходе войны с Японией Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи занимался изучением политического, экономического и военного положения Монголии. Исследование начальника Заамурского округа генерал-лейтенанта

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 176. Л. 1—9.

² Там же. Д. 803. Л. 1—4, 14—14 об.

Н. М. Чичагова показало наличие «довольно сильного брожения» среди монголов, что явилось результатом колонизационной политики Китая. Китайская колонизация была нежелательна и для России, так как по соседству с ее границами возникали китайские провинции с недружественным по отношению к России населением³. В своем намерении не допустить распространения китайской колонизации на территории Внешней Монголии Россия и Монголия были едины. Не менее важна была и экономическая составляющая российско-монгольских взаимоотношений.

Летом 1911 г. в Санкт-Петербург прибыла монгольская делегация с просьбой к российскому императору о приеме Монголии в подданство [Кузьмин, 2014. С. 52]. Делегация действовала втайне от китайских властей, не обладала статусом официального посольства и ее действия носили разведывательный характер. Вскоре после возвращения депутации на родину в Китае произошла Синьхайская революция, ознаменовавшаяся свержением Цинской династии, что дало Монголии возможность отмежеваться от Китая. Несмотря на то что монголы выбрали главу государства в лице Богдо-гэгэна VIII и создали свое правительство, их стремления простирались к обретению полной независимости от Китая и признанию этого факта другими государствами, в особенности Россией.

В результате 21 октября (3 ноября) 1912 г. в Урге между Россией и Монголией был заключен договор о дружбе⁴, по которому Россия признавала автономию Внешней Монголии. Это должно было способствовать повышению статуса Монголии в глазах мирового сообщества. Договор со стороны России подписал глава русской дипломатической миссии в Урге И. Я. Коростовец, со стороны Монголии — глава совета министров Сайн-Нойон-хан. Монголия нуждалась в добрососедских отношениях с Россией, а Россия, не преследуя империалистических целей по отношению к Монголии⁵, предпочитала видеть ее в качестве буферного государства на границе с Японией и Китаем. После подписания договора правительство автономной Монголии обратилось с просьбой к Николаю II об отправке в Россию посольства с целью принесения благодарности по поводу заключения договора.

Николай II, исходя из взаимной заинтересованности государств в продолжении политического и культурного сотрудничества, разрешил монгольскому посольству посетить Россию. Это было первое официальное посольство автономной Монголии, которое положило начало складыванию дипломатических отношений между двумя государствами.

Глава русской дипломатической миссии в Урге И. Я. Коростовец с целью поддержания дружественных отношений с Монголией рекомендовал полно-

стью оплатить пребывание монгольской делегации в России, тем более что посольство везло подарки императорской семье и было хотя и небольшим, но представительным по составу⁶. Оплата расходов монгольской депутации была необходима еще и потому, что такого рода мероприятие в финансовом плане было тяжелым бременем для небогатой монгольской казны. Об этом было известно из донесений И. Я. Коростовца и переписки между министерством иностранных дел и министерством финансов, в которой обсуждались просьбы монгольского правительства и лично Богдо-гэгэна о займах. Так, товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов в секретном письме № 937 от 10 сентября 1912 г. на имя министра финансов В. Н. Коковцова сообщал о ходатайстве монгольских министров во главе с Сайн-Нойон-ханом об оказании Халхе очередной денежной поддержки в размере двух миллионов рублей, поскольку поступающих в ургинскую казну доходов не хватало даже на приобретение оружия и обмундирования и на содержание армии и администрации⁷. Поскольку просьба монгольского правительства о ссуде хронологически совпадает с его же ходатайством о приеме посольства, можно предположить, что, во-первых, средств на осуществление дорогостоящих дипломатических акций у автономной Халхи не было, и во-вторых, об этом было известно в Санкт-Петербурге. Поэтому министр иностранных дел С. Д. Сазонов, разделяя мнение Коростовца об оплате пребывания монгольской делегации, обратился к министру финансов В. Н. Коковцову с отношением № 1442 от 1 декабря 1912 г., в котором просил «уведомить, насколько представляется осуществимым предположение господина Коростовца», при этом сообщая, что «конечно, предполагается обставить пребывание посольства в Санкт-Петербурге на возможно скромных началах»⁸. Несмотря на то что расходы по приему иностранных депутатов и посольств не имели отношения к средствам государственного казначейства, прецеденты такого рода существовали. Так, например, в 1907 г. департаментом государственного казначейства были оплачены поездка в Санкт-Петербург отправленного негусом Менеликом абиссинском придворного чина для поднесения подарков российскому императору и путешествие чрезвычайного персидского посольства для объявления о вступлении на престол Мохаммед-Али-Шаха⁹. В связи с чем В. Н. Коковцов отношением № 13319 от 14 декабря 1912 г. уведомил С. Д. Сазонова о том, что «если Министерство Императорского Двора не найдет возможности принять означенные расходы на свои средства... будет испрашена (В. Н. Коковцовым. — И.З.) необходимая на удовлетворение этих расходов сумма за счет де-

³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Л. 10—11 об.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 56. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 112 об.—113.

⁶ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 2 об.

⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 415—415 об.

⁸ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 2 об.

⁹ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 4—4 об.

сятимиллионного фонда»¹⁰. Не имея полной уверенности в том, что пребывание монгольской делегации будет оплачено министерством финансов, С. Д. Сазонов 17 декабря 1912 г. обратился к министру императорского двора В. Б. Фредериксу с просьбой «испросить Высочайшее соизволение на то, чтобы монгольское посольство во время нахождения в Санкт-Петербурге было помещено за счет Министерства императорского двора, с предоставлением ему условий, коими обычно обставляются посольства от азиатских народов»¹¹. Барон В. Б. Фредерикс во всеподданнейшем докладе от 18 декабря 1912 г. испросил указаний государя о предоставлении монгольскому посольству «1. Помещения в одной из гостиниц Санкт-Петербурга и довольствия за счет Высочайшего Двора и 2. Экипажей от Придворной конюшенной части»¹². Высочайшее разрешение было получено и началась подготовка визита первых лиц монгольского государства в Санкт-Петербург.

В состав монгольского посольства, возглавляемого чрезвычайным посланником, министром иностранных дел Ханом Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи, входили советник посольства Эрдени Чжун Бейсе Ширнин Дамдин, секретарь Церен Дорчжи, чиновник второй степени Бабу Дорчжи, переводчик от консульства в Урге Магбун Дашиевич Церенпылов, переводчик для русской переписки Цыден Дамба Дабданов, тибетский врач Емчи лама Чжамсо и восемь низших служителей¹³. Состоящим при посольстве от министерства иностранных дел был назначен тайный советник Я. П. Шишмарев¹⁴. Прикомандирование к делегации Я. П. Шишмарева, имевшего чин тайного советника и пользовавшегося в министерстве иностранных дел большим авторитетом специалиста по монгольским делам, являлось показателем важности монгольского посольства в глазах российского правительства.

10 декабря 1912 г. посольство отбыло из Урги¹⁵, а 21 декабря поездом № 5 выехало из Иркутска в Санкт-Петербург. Прибытие поезда ожидалось 28 декабря 1912 г. в 4 часа 55 минут пополудни на Николаевский вокзал¹⁶. Подготовкой и организацией пребывания монгольской делегации занималась Гофмаршальская часть Министерства императорского двора, в обязанности которой входили «распоряжения... по приему особ иностранных владетельных домов и лиц, командируемых в особых случаях от иностранных правительств»¹⁷. Так, по распоряжению Гофмаршальской части придворная конюшенная часть должна была обеспечить высылку на Николаевский вокзал к приходу поезда двух колясок и

одного ландо для членов посольства, двух ландо для служителей и четырех пароконных бранкардов для перевозки багажа. Выездными были назначены лакеи 1-го разряда М. Пантюхов и В. Маевский, которым при встрече полагалось быть в воскресной одежде, а в остальное время — в повседневной¹⁸.

Для проживания членам посольства были сняты номера в гостинице «Grand Hotel», которая находилась в доме № 18 по улице Гоголя. К гостинице примыкал располагавшийся в доме № 20 французский ресторан. Гостиница находилась в аристократическом центре Санкт-Петербурга, являлась перворазрядной, номера были оснащены электричеством, водопроводом и телефоном. Для главы делегации Хана Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи был снят самый фешенебельный номер гостиницы стоимостью 15 руб. в сутки. Всего же для посольства было нанято 9 номеров от 3,5 до 15 руб. в сутки¹⁹. Помимо проживания в гостинице министерство императорского двора оплачивало и продовольствие монгольского посольства, которое пользовалось услугами гостиничного ресторана. За все время пребывания посольства в Санкт-Петербурге (с 27 декабря 1912 г.²⁰ по 2 февраля 1913 г.) сумма расходов составила 5144,2 руб., из которых 2053,5 руб. были истрачены на проживание и 3090,7 руб. — на питание²¹. Ежедневный рацион членов посольства в стоимостном выражении составлял от 42,25 до 118,75 руб. в сутки²², в среднем же 85,8 руб.²³ и не отличался большим разнообразием. Так, 17 января 1913 г. членами делегации было заказано 6 завтраков, 6 комплексных обедов, 3 порции хлеба с маслом, порция ветчины. Верные национальной традиции частых чаепитий, монгольские гости обычно употребляли много чая и молока. 17 января 1913 г. ими было заказано 20 стаканов чая, из них 2 чая с сухарями и отдельно 1 самовар и три порции сахара. Также члены монгольского посольства употребляли и алкогольные напитки. Так, ежедневно заказывались водка и пиво. 17 января было выпито на 4,3 руб. водки и 31 стакан пива²⁴. Судя по количеству ежедневно выпиваемого пива, этот напиток очень нравился монгольской делегации. 30 января 1913 г. счет за продовольствие составил 118,75 руб.²⁵, что, возможно, было связано с празднованием скорого отбытия монгольского посольства из Санкт-Петербурга либо, возможно, дополнительные средства были выделены в честь Высочайшего разрешения части делегации принять участие в праздновании 300-летия Дома Романовых. В целом сумма, истраченная на пребывание монгольской делегации в России, была невелика

¹⁰ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 5.

¹¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 56. Л. 2—2 об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1672. Л. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 1

¹⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 7.

¹⁶ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 1 об.

¹⁷ Там же. Д. 100. Л. 1

¹⁸ Там же. Д. 409. Л. 4—5.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ С 27 декабря 1912 г. были сняты номера в гостинице.

²¹ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 7—8, 12, 51.

²² Там же. Л. 7, 18.

²³ Подсчитано автором.

²⁴ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 35.

²⁵ Там же. Л. 48.

и для бюджета министерства императорского двора не обременительна, в то время как важность для взаимоотношений России и Монголии данной дипломатической акции трудно переоценить.

Главной целью посольства являлась встреча с императором Николаем II и поднесение подарков царской семье. 9 января 1913 г. правитель дел церемониальной части министерства императорского двора В. Евреинов направил Я. П. Шишмареву отпуск, в котором уведомлял о предстоящем приеме монгольской миссии государем в Александровском дворце в Царском Селе 10 января 1913 г. в 13.30, о чем Шишмареву необходимо было сообщить главе миссии. Доставка членов монгольской делегации в Царское Село и обратно осуществлялась экстренными поездами в составе одного салон-вагона и вагона 1-го класса²⁶. В ожидании приема членам посольства и Шишмареву был предложен на круглом столе дастархан²⁷.

Посольство от имени главы Монголии преподнесло личное письмо Богдо-гэгэна при белом хадаке и богатые подарки. Императору Николаю II были преподнесены желтый хадак, бурхан-аюши, седло с прибором, священный трон, два иноходца монгольской породы; вдовствующей императрице Марии Федоровне — белый хадак, четки из драгоценных камней, священный трон; императрице Александре Федоровне — белый и желтый хадаки, бурхан-аюши, священный трон, четки из драгоценных камней; наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу — белый и желтый хадаки, седло с прибором, монгольский нож и огниво и три иноходца монгольской породы²⁸. Бурхан-аюши, имеющий также наименование амитаюс, символизирует долголетие, здоровье и богатство [Шагдаров, Бадмаева, 2014. С. 23]. Монголы, почитавшие Белого царя как потомка одного из младших сыновей Чингис-хана²⁹, своими подарками желали Николаю II высших земных благ и одновременно надеялись на дальнейшее сближение с Россией. В журнале «Огонек» появилась заметка, которая так описывала встречу монгольской делегации с российским императором: «Наконец-то наступил для обновленной Монголии исторический день, когда осуществилось горячее, испокон веков лелеемое в степях Гоби желание — переговорить с северным Белым Царем не языком раба Китая, не из-под рукава желтой курмы богдыхана, а в качестве преданного и надеющегося на покровительство маленькаго, но близкаго соседа» [Огонек, 1913. С. 8]. В день приема Николай II оставил запись в своем дневнике: «принял депутацию из Монголии, поднесшую подарки и лошадей-иноходцев» [Дневники... 1991. С. 377].

По сложившейся традиции, монгольское посольство посетило Зимний дворец. 5 января 1913 г. деле-

гации было выдано удостоверение № 13 «для входа в воскресенье 6-го сего января, в Зимний дворец, на хоры Гербового Зала, для обозрения Высочайшего выхода в Собор Дворца»³⁰. 6 января по старому стилю праздновалось Крещение господне — один из двенадцатых православных праздников. Частью ритуала этого праздника являлось торжественное богослужение в Большом Соборе Зимнего дворца. Наблюдая Высочайший выход, монгольская делегация некоторым образом стала причастной к торжественному событию в жизни не только императорской семьи, но и всей России.

Вскоре монгольское посольство, правда, не в полном составе, приняло участие еще в одном событии, широко отмечавшемся в Российской империи. По ходатайству Хутухты главе депутации с секретарем и прислугой было разрешено продлить пребывание в России для принесения поздравлений по случаю празднования 300-летия Дома Романовых. С 3-го по 14 февраля чрезвычайный посланник Хан Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи с секретарем и прислугой находился в поездке по России и возвратился к началу юбилейных торжеств³¹. С 12 февраля по 2 марта посольство проживало в той же гостинице, а его руководитель в том же самом 39-м номере, стоимость которого повысилась до 20 руб. в сутки. Как видно из документов Гофмаршальской части, «...глава депутации выразил свое удовольствие по поводу помещения депутации»³². Во время исполнения новой возложенной на него повелителем монгольского народа почетной миссии глава делегации продолжил пользоваться ранее предоставленными ему императорским двором льготами³³ в виде оплачиваемых проживания и стола. Также монгольское посольство получило еще одну немаловажную и почетную льготу от департамента таможенных сборов министерства финансов: беспрошленный и бездосмотровый провоз багажа через Кяхтинскую и Иркутскую таможни³⁴. Необходимо отметить, что по российскому законодательству даже император не был освобожден от уплаты таможенных пошлин при ввозе из-за границы собственного багажа [Мосолов, 1992. С. 107].

Члены посольства, кроме встречи с российским императором и поднесения подарков, что являлось основной их целью, посещали государственные учреждения, общались с высшими чиновниками государства, перенимая управленческий и хозяйственный опыт, крайне необходимый правительству молодого монгольского государства. Так, уже 14 января, по окончании официальных визитов, Хан Эрдени Дайчин Цин-Ван Хандо Дорчжи посетил председателя Российской экспортной палаты В. И. Денисова с целью обсуждения вопросов экспорта из Монголии скота и продуктов животноводства, импорта в Мон-

²⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1672. Л. 7—8.

²⁷ Там же. Л. 5 об.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 313. Л. 10 об.

³⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1672. Л. 16.

³¹ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 409. Л. 13.

³² Там же. Л. 16, 19.

³³ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 56. Л. 9а об.

³⁴ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16908. Л. 3—4.

голию российских товаров фабрично-заводской промышленности, освоения естественных богатств страны при участии российского капитала [Русский экспорт, 1913. С. 15]. На протяжении 1913 г. вопросы торговли с Монголией неоднократно становились объектом обсуждения на совещаниях, проводимых Российской экспортной палатой, что свидетельствовало о важности экономических взаимоотношений для обеих стран. Необходимо отметить, что торговые обороты России с Монголией неуклонно росли в период 1912—1914 гг., несмотря на начавшуюся Первую мировую войну³⁵.

Помимо организованного на высоком уровне пребывания в России и консультаций в экономической и административной сфере монгольское посольство получило дары от императора Николая II. Так, по представлению министра иностранных дел С. Д. Сазонова, пяти служащим посольства были пожалованы подарки на общую сумму 329 руб., а «на расходы по приобретению ценных художественных вещей для поднесения ответного подарка Ургинскому хутухте» было истрчено 8000 руб.³⁶, что составляло немалую сумму. Проведя аналогию с подарками для монгольской делегации, прибывшей в Россию в ноябре 1913 г., когда для подарка Богдо-Гэгэну была выбрана аршинная серебряная братина фирмы Фаберже с Государственным гербом на

крышке стоимостью 4000 руб.³⁷, можно предположить, что главе Монголии весной 1913 г. также могли быть преподнесены изделия из серебра. Такое предположение возможно потому, что серебро имело сакральное значение в ламаизме и предметы, изготовливаемые из него, предназначались в дар только правителям и ламам очень высокого ранга [Елихина, 2002. С. 83].

Подводя итоги, необходимо отметить важную роль пребывания монгольского посольства в России с декабря 1912 по март 1913 г. в развитии политических, экономических и культурных взаимоотношений двух стран. Монгольская делегация познакомилась с культурными традициями крупной европейской страны, соприкоснулась с жизнью российского императорского двора, приняла участие в юбилейных торжествах, приобрела уверенность в дальнейшей поддержке со стороны России, что, несомненно, сыграло свою роль в улучшении отношения Монголии к Российской империи. В то же время опыт приема монгольской делегации был полезен и для России, которая была не только «сильна в Монголии историческим обаянием покровительницы восточных народностей»³⁸, но и была заинтересована в дальнейшем экономико-политическом и культурном диалоге двух стран.

Использованная литература

- Дневники... 1991: Дневники императора Николая II. М., 1991 (Dnevniky imperatora Nikolaya II. M., 1991).
- Елихина, 2002: *Елихина Ю. И.* Ламаистские дары дому Романовых (из фондов галереи драгоценностей) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2002 (*Elikhina Yu. I.* Lamaistskie dary domu Romanovykh (iz fondov galerei dragotsennostei) // Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. SPb., 2002).
- Кузьмин, 2014: *Кузьмин С. Л.* Легитимация теократической власти и восстановление монгольской государственности в начале XX в. // Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. Кн. 3, ч. 1 (*Kuz'min S. L.* Legitimatsiya teokraticheskoy vlasti i vosstanovlenie mongol'skoi gosudarstvennosti v nachale XX v. // Rossiya i Mongoliya v nachale XX v. Diplomatija, ekonomika, nauka. Irkutsk, 2014. Kn. 3, ch. 1).
- Кузьмин, 2015: *Кузьмин С. Л.* Русско-монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». М., 2015. № 1 (*Kuz'min S. L.* Russko-mongol'skoye soglasenie 1912 g. i nezavisimost' Mongolii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». M., 2015. № 1).
- Леонов 1985: *Леонов Г. А. Э. Э. Ухтомский К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985 (Leonov G. A. E. E. Uhtomskiy. K istorii lamaistskogo sobraniya Gosudarstvennogo Ermitaga // Buddizm i literaturno-khudozhestvennoe tvorcestvo narodov Tsentral'noi Azii. Novosibirsk, 1985).*
- Майский, 1959: *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М., 1959 (*Maiskiy I. M.* Mongoliya nakanune revolyutsii. M., 1959).
- Мосолов, 1992: *Мосолов А. А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992 (*Mosolov A. A.* Pri Dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra Dvora. SPb., 1992).
- Огонек, 1913: Огонек. Еженедельный художественно-литературный журнал. СПб., 1913. № 3 (Ogoniok. Ezhenedel'nyi hudozhestvenno-literaturnyi zhurnal. SPb., 1913. № 3).
- Русский экспорт, 1913: Русский экспорт. Орган Российской экспортной палаты. СПб., 1913. № 1 (21) (Russkiy eksport. Organ Rossiyskoi eksportnoi palaty. SPb., 1913. № 1 (21)).
- Шагдаров, Бадмаева, 2014: *Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Д.* Языковые особенности старомонгольской версии «Бе-

³⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 97. Л. 123—123 об.

³⁶ РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 125. Л. 69 об., 91 об.

³⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1500. Л. 2.

³⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 463. Л. 112 об.—113.

лозонтичной Тары» // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2014. № 10 (*Shagdarov L. D., Badmaeva L. D. Yazykovye osobennosti sta-*

romongol'skoi versii «Belozontichnoi Tary» // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Ude, 2014. № 10).

I. M. Zakharova, M. V. Mandrik
The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913

The article presents an overview of the goals, tasks, main activities and outcomes of the Mongolian embassy to Russia in 1912—1913 under the guidance of Ambassador extraordinary, minister of foreign affairs of Khalkha Khan Erdeni Daichin Qing-Van Khando Dorchzhi. The characteristic based on archival and printed sources defines the staying of Mongolian deputation in Russia, examines the tasks of economic and political nature, which the delegation hoped to solve in Russia, analyzed financial expenditures of the Russian Imperial court and gastronomic tastes of the Mongolian deputation members. A special attention is given to an audience with the emperor Nicholas II, description and significance of Bogd Gengis gifts to the Imperial family. The article emphasizes the importance of the embassy in development of Russian and Mongolian political, economical and cultural contacts. A brief analysis of foreign policy goals of both countries against its neighbor is given.

Key words: Mongolia, Russia, Mongolian deputation, Russian and Mongolian relations, Bogd Gegen, Russian imperial court, the House of Romanov.